

Заключеніе дѣла спасенія и Пресвятая Троица.

(Изъ Лютардта).

Послѣдній разъ мы проводили Иисуса Христа къ самой смерти Его на крестѣ; теперь послѣдуемъ за Нимъ на пути Его отъ униженія къ возвышенію на престолѣ величія.

Смертію Его противорѣчіе, проникающее всю Его жизнь, противорѣчіе между Его вѣчнымъ существомъ и Его исторической дѣйствительностью, увеличилось до такой степени, какъ только это возможно было безъ нарушенія самаго единства божественной жизни. Противорѣчіе это требовало разрѣшенія въ томъ родѣ жизни, въ которомъ Его историческая дѣйствительность составляла одно съ внутреннимъ существомъ Его и служила соотвѣтствующимъ выраженіемъ Его. Съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ существуетъ на свѣтѣ, законъ нравственнаго міроваго порядка таковъ, что путь къ возвышенію достигается посредствомъ униженія, а несогласіе противорѣчій ведетъ къ гармоніи существованія (*per stussem ad lucem*), чрезъ крестъ къ коронѣ. Всѣ мы надѣемся на жизнь лучшую, гдѣ всѣ противоположности этого существованія преобразятся въ гармонію; путь къ этой будущности идетъ чрезъ смерть, чрезъ это высочайшее несогласіе противоположностей. Мы знаемъ, что и по ту сторону смерти есть вѣчная жизнь; порукою этой достовѣрности служить намъ Иисусъ Христосъ. Онъ умеръ, чтобы воскреснуть для совершенной, преображенной жизни. Въ этомъ состоитъ разрѣшеніе противоположно-

стей Его земнаго сущестованія; отсюда падаетъ свѣтъ по ту и другую сторону. А потому все заключалось въ Его воскресеніи; оно—основаніе всего христіанства.

Но въ религіозной борьбѣ нашего времени нѣтъ ничего, что представляло бы такой предметъ нападеній и защиты, какъ вопросъ о воскресеніи Іисуса Христа, потому что это главный и средоточный вопросъ въ исторіи христіанства. Если Спаситель воскресъ, то Его жизнь и лицо—несомнѣнное чудо; если же Онъ не воскресъ, тогда Онъ принадлежитъ къ естественнымъ предѣламъ, и христіанство—произведение естественнаго ума.

Воскресеніе отрицаютъ на догматическомъ основаніи. Критика, говорятъ, должна все объяснять естественнымъ путемъ; въ этомъ состоитъ жизненный вопросъ критики. Итакъ Спаситель не могъ воскреснуть. Наше поколѣніе и повѣйшее сознаніе не можетъ предположить сверхъ-естественнаго христіанства. Это противорѣчило бы повѣйшимъ убѣжденіямъ.

Но христіанство есть противорѣчіе естественности въ томъ смыслѣ, какою она стала вслѣдствіе грѣха, и христіанинъ есть противорѣчіе естественному человѣку въ томъ смыслѣ, какимъ онъ сталъ вслѣдствіе грѣха. Христіанинъ есть истина человѣка, но только потому, что онъ представляетъ разладъ съ ветхимъ человѣкомъ; то, что можно сказать о христіанинѣ, относится и къ христіанству. Прежде всего оно есть судъ надъ естественнымъ мышленіемъ; только этимъ путемъ обнаруживается его высочайшая истина. Кто хочетъ уничтожить чудесность христіанства, тотъ уничтожаетъ самое христіанство; и кто не признаетъ того евангелія, которое въ глазахъ естественнаго человѣка кажется нелѣпостью, тотъ не признаетъ никакого евангелія. Кто объясняетъ побѣду христіанства надъ міромъ его чудотворностью, тотъ

этимъ ослабляетъ силу ея. Оно побѣдило міръ не путемъ этихъ исключительныхъ правъ.

Воскресеніе отрицаютъ на догматическихъ и философскихъ основаніяхъ, но вопросъ этотъ есть вопросъ исторіи, а не философіи. Тутъ рѣчь идетъ о фактѣ, а не о взглядѣ; фактовъ нельзя опровергнуть мыслями и взглядами, а только историческими доказательствами. Прежде всего представимъ фактъ.

Ученики вѣрили въ воскресеніе Іисуса Христа, всѣ они вѣрили въ него. Съ этой вѣрой они вступили въ міръ; убѣжденіемъ своимъ въ томъ, что они видѣли Воскресшаго и говорили съ Нимъ, они побѣдили и обратили міръ, и за эту вѣру пожертвовали жизнію. Это фактъ, котораго никто не оспорить, котораго никто и не оспаривалъ. Вопросъ только въ томъ, какъ объяснить его.

Не заблужденіе ли это? Можеть быть, Спаситель и не умиралъ вовсе, а только былъ въ обморокѣ, въ непродолжительномъ времени проснулся отъ мнимой смерти и возсталъ изъ гроба? Такъ объяснялъ древній раціонализмъ, и даже остроуміе Шлейермахера не пренебрегло такимъ исходомъ; но это вещь невозможная, и строгая критика Штрауса навсегда уничтожила этотъ выводъ. Быть можетъ и случилось, что распятаго прежде смерти снимали съ креста и посредствомъ тщательныхъ заботъ приводили снова къ жизни: но чтобы въ продолженіи шести часовъ выносить эти смертельные муки и послѣ смертельнаго истощенія снова воскреснуть къ жизни; чтобы Онъ обезспленный, въ смертной слабости, нуждаясь въ самомъ заботливомъ попеченіи и будучи въ совершенно безпомощномъ состояніи, могъ на окружающихъ произвести впечатлѣніе побѣдителя надъ смертію и адомъ и воспламенить въ нихъ свѣтлую увѣренность въ побѣдѣ и надежду на будущую жизнь, и изъ мрака печали и

сомнѣнія возвыситъ къ всепобѣждающей вѣрѣ,—признаніе этого перестаетъ быть благоразуміемъ и дѣлается нелѣпостью.

Пробужденія отъ мнимой смерти не достаточно для того, чтобы объяснить вѣру учениковъ.

Или это создала фантазія самихъ апостоловъ? Они вѣрили въ то, что Иисусъ былъ Мессія, а слѣдовательно необходимо долженъ былъ воскреснуть, и, постепенно развивая мысль эту въ воображеніи своемъ, пришли къ тому убѣжденію, что Онъ и дѣйствительно воскресъ. Такъ стараются объяснять теперь. Но возможно ли это? Гдѣ тутъ логика? Потому что Иисусъ Мессія, Онъ долженъ воскреснуть, и потому что Онъ долженъ воскреснуть, Онъ воскресъ дѣйствительно! Могли ли апостолы такимъ путемъ вообразить себѣ, что они видѣли воскресшаго и говорили съ нимъ? Слѣдующее гораздо логичнѣе: потому что Иисусъ Христосъ умеръ, усумнились въ Его мессіанствѣ (Луки 24, 21), и убѣдились въ немъ только тогда, когда убѣдились въ Его воскресеніи. Не мессіанство было основаніемъ увѣренности въ воскресеніи, а увѣренность въ воскресеніи была основаніемъ вѣры въ Мессію (Дѣян. 2, 32, 36). Такъ говоритъ намъ св. Писаніе. И если бы воскресеніе Иисуса Христа было вымысломъ учениковъ, возникшимъ путемъ размышленія, то одно, по крайней мѣрѣ, было бы вѣрно: въ нѣсколько дней не могъ совершиться такой переворотъ ихъ мыслей и настроенія. Для этого понадобились бы еще нѣкоторые внѣшніе факты.

Это и признаютъ. Но внутреннему перевороту мыслей учениковъ приписываютъ слѣдующую причину: его объясняютъ видѣніемъ. Говорятъ, что ученики не видѣли воскресшаго, а только вообразили себѣ, что видѣли Его. Они такъ были возбуждены, что фантазія ихъ представляла имъ образы. Женщины начали, мужчины послѣдовали за ними. Что ихъ побудило къ этому? То, что гробъ былъ пустъ. Да, гробъ

✠

опустѣлъ въ воскресеніе утромъ. Какимъ образомъ онъ опустѣлъ? Какая мысль должна была скорѣе всего прійти въ голову ученикамъ,—что Спаситель воскресъ, или что тѣло Его взяли? По крайней мѣрѣ Марія Магдалина, объ экзальтаціи которой намъ такъ много говорятъ, имѣла только эту послѣднюю мысль (Іоан. 20, 13). И если бы женщинамъ представлялись только видѣнія,—а мужчины же (Луки 24, 22)—эти мужи практической жизни, эти галилейскіе рыбаки съ здравымъ смысломъ и крѣпкими нервами? А тѣ пять тысячъ, на которыхъ ссылается Павелъ (1 Кор. 5, 6)? А все собраніе христіанъ того времени, которому ничто не могло быть болѣе чуждо, какъ призраки и видѣнія болѣзненно настроеннаго первнаго состоянія? Вещь не возможная!

А апостолъ Павелъ? Употребляли всѣ усилія, чтобы устранить его свидѣтельства. Его сдѣлали нервнымъ, эпилептическимъ.—Какъ будто бы не трудно было объяснить, какимъ образомъ изъ такого болѣзненнаго источника вытекла такая, до корня здравая, духовная жизнь,—могла произойти такая благословенная дѣятельность! И какимъ образомъ тогда объяснить его самого? Ничто не могло больше противорѣчить его мыслямъ. Когда онъ увидѣлъ Спасителя, это не было плодомъ его внутренняго развитія, а судомъ надъ всею его предъидущею жизнію: какъ громъ Божій, оно повергло его наземь и опровергло все его фарисейское богословіе. Его прежній міръ разрушился предъ нимъ до основанія, и духу его представился міръ новый. Дѣйствительное ли происшествіе или фантазія—такой поворотъ всей его жизни,—это хорошо извѣстно. Этотъ фактъ порѣшилъ его участь. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался проповѣдникомъ воскреснаго, и воскресеніе служить ему основаніемъ и доказательствомъ всей христіанской вѣры. «Если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ, поэтому и умершіе во

Христѣ погибли» (1 Кор. 15, 17. 18). Рѣшительнѣе, яснѣе нельзя говорить. Если воскресеніе—заблужденіе, то и христіанство заблужденіе, но крайней мѣрѣ христіанство апостоловъ и св. Писанія, и нужно избрѣсть другое. Но въ этомъ нѣтъ надобности, потому что если есть достовѣрный фактъ, такъ это воскресеніе Иисуса Христа. Въ достовѣрности его нельзя сомнѣваться.

И не только на историческихъ, но и на внутреннихъ основаніяхъ. Если Иисусъ Христосъ составляетъ не исключеніе изъ общаго правила, что же намъ можетъ представить правило противъ воскресенія? Скорѣе оно само составляетъ требованіе Его лица и Его дѣла. Его лица—потому, что тому, чѣмъ Онъ былъ, должно было соответствовать и состояніе Его жизни. Это былъ необходимый исходъ Его земной жизни. Какимъ образомъ могла окончиться смертію судьба Того, Который былъ Самъ жизнь, и какимъ образомъ могла прекратиться жизнь Того, Который былъ вѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, во мракѣ и вдали отъ Бога? Онъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, если бы Онъ умеръ. Смерть была противорѣчіемъ Ему. А потому она должна была уступить новому состоянію жизни, котораго требовало Его лицо и Его дѣло. Призваніе Его состояло въ примиреніи и спасеніи. Вѣра наша въ примиреніе тогда только будетъ имѣть божественное право, если Богъ выразилъ намъ его фактомъ. Воскресеніе было божественнымъ фактическимъ доказательствомъ того, что грѣхъ нашъ прощенъ, и спасеніе совершилось тогда только, когда могущество смерти было поправлено побѣдоноснымъ могуществомъ жизни въ воскресеніи, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось основаніемъ надежды нашей. Воскресеніе Христово достовѣрно не только по историческимъ, но и по внутреннимъ даннымъ.

Христіанское исповѣданіе, вслѣдъ за признаніемъ воскресенія, продолжается словами: *«и восшедшаго на небеса, и сядуща одесную Бога Отца»*.

Иисусъ Христосъ господствуетъ надъ временемъ. Онъ сдѣлался могуществомъ міра и его исторіи, и не въ смыслѣ только общаго духовнаго могущества. Міромъ обладаетъ не только тотъ духъ христіанства, который сочетался съ общечеловѣческой духовной жизнью; онъ не былъ бы тогда силой внутренняго обновленія и нравственнаго возрожденія. Это не слѣдствіе только впечатлѣнія, произведеннаго лицомъ Иисуса Христа, которое переходитъ изъ рода въ родъ и такимъ образомъ сообщается каждому, кто вступаетъ въ кругъ его дѣйствій. Христосъ есть не только величіе прошедшаго, но и живая сила настоящаго. Прощаясь съ учениками своими, Онъ имъ сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до сконча- нія вѣка*. Онъ перешелъ къ Богу, чтобы быть близкимъ къ намъ; Онъ оставилъ за собою границы пространства, чтобы быть всеудущимъ; Онъ удалился изъ круга учениковъ своихъ, чтобы присутствовать въ обществѣ вѣрующихъ во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ. Христіанство не есть какой либо образъ мыслей, или нравственный обычай жизни, а личное отношеніе къ Иисусу Христу. Иисусъ Христосъ не былъ только однажды посредникомъ общности нашей съ Богомъ, Онъ имъ всегда остается. Наша общность съ Богомъ совершается постоянно чрезъ Его посредство. Въ этомъ и состоитъ христіанство. И каждый христіанинъ знаетъ, что всякій успѣхъ въ христіанствѣ есть успѣхъ въ личномъ отношеніи къ Иисусу Христу. Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что насколько мы будемъ внутренно равнодушны къ Иисусу Христу, настолько мы внутренно отстанемъ, какъ христіане, потому что мы настолько же внутренно удалимся отъ Него. Онъ хочетъ быть близокъ къ намъ для того, чтобы мы были близки къ Нему.

Съ тѣхъ поръ, какъ Онъ удалился съ земли, для Него настало время высшаго бытія и высшей дѣятельности. Онъ господствуетъ надъ временемъ и хочетъ господствовать надъ нашими сердцами.

Всякая исторія должна служить Ему. Это—ближайшее впечатлѣніе, которое производитъ ходъ всемірной исторіи на всякаго благоразумнаго человѣка, и въ то же время глубочайшее уразумѣніе того, что все малое и великое стремится къ одной цѣли, цѣли установленной не людьми исторіи, а находящейся въ рукѣ Всевышняго, цѣли царства Божія и Иисуса Христа, потому что какой же благоразумный человѣкъ сомнѣвается въ томъ, что христіанство еще нѣкогда сдѣлается всемірной религіей? Что же это значитъ, какъ не то, что всѣ колѣна преклонятся предъ именемъ Иисуса Христа? Этой цѣли служить все, добро также какъ и зло, успѣхи человѣческаго ума не менѣе какъ и побѣда нравственности. Божественное управленіе міромъ принадлежитъ Иисусу Христу; Онъ разрѣшаетъ печать будущаго. Дѣло Его заключается не только въ совокупной жизни человѣчества, но и въ жизни каждого отдѣльнаго лица, потому что мѣсто пребыванія Его—не только міръ и его исторія, а еще больше сердце и внутренняя духовная жизнь каждого отдѣльнаго лица. Здѣсь хочетъ Онъ жить и дѣйствовать. А дѣло Его для каждого отдѣльнаго лица состоитъ въ томъ, чтобы то спасеніе, которое Онъ сдѣлалъ историческимъ фактомъ для всего міра и сообщилъ въ своемъ лицѣ, вселить во внутреннюю жизнь каждого отдѣльнаго лица и сдѣлать фактомъ его духовной жизни.

Но это дѣйствіе происходитъ на поприщѣ нашей внутренней духовной жизни, а слѣдовательно есть духовное дѣйствіе,—дѣйствіе духа на духъ. Дѣйствіе это Иисусъ Христосъ производитъ посредствомъ Духа Божія, котораго писаніе называетъ Святымъ Духомъ. Какъ Спаситель исполнилъ волю и

дѣло Отца, такъ и Духъ Святый исполняетъ волю и дѣло Иисуса Христа. То, что Иисусъ Христосъ произвелъ въ мірѣ исторіи, то Духъ Святый передаетъ во внутренній міръ чело-вѣческой духовной жизни: въ этомъ состоитъ Его призваніе отъ самаго начала.

Уже въ ветхомъ завѣтѣ часто идетъ рѣчь о Духѣ Бо-жіемъ. Онъ является могуществомъ божественной жизни, про-являющимъ жизненную силу въ мірѣ—жизнь природы, жизнь духа, нравственную жизнь. Онъ, какъ говоритъ Писаніе, вначалѣ воодушевилъ землю, такъ что она произвела разно-образнѣйшіе виды растений и животныхъ. Онъ вызвалъ въ чело-вѣкѣ духовную жизнь и постоянно укрѣплялъ и поддер-живалъ ея дѣйствія. Онъ пробудилъ въ пророкахъ высшее сознаніе и въ благочестивыхъ людяхъ нравственныя побужде-нія. Онъ вездѣ вноситъ въ міръ жизнь божественную, и такимъ образомъ основываетъ союзъ общности между Богомъ и людьми. Но съ тѣхъ поръ какъ въ Иисусѣ Христѣ мы обрѣли благо спасенія и новую жизнь благодати, задача Его состоитъ въ томъ, чтобъ эту новую высшую жизнь вселять въ души людей и усвоить имъ спасеніе Иисуса Христа. Въ этомъ состоитъ призваніе Духа Св. съ тѣхъ поръ, какъ явился Иисусъ Христосъ и свершилось дѣло Его. Такъ основываетъ Онъ союзъ общности, который связываетъ души людей съ Богомъ и Иисусомъ Христомъ, и укрѣпляетъ сердца наши въ вѣрѣ и любви къ Спасителю нашему, потому что не во виѣш-ности состоитъ общность съ Иисусомъ Христомъ, а во внутрен-немъ отношеніи. Не формы и формулы, не виѣшніе обряды дѣлаютъ насъ христіанами, а духъ Иисуса Христа, живущій въ сердцахъ нашихъ и управляющій нашимъ мышленіемъ и желаніемъ. Дохристіанскій міръ видѣлъ религію въ соблю-деніи наружныхъ обрядовъ, мы же знаемъ, что родина ея въ сердцахъ и сущность ея состоитъ въ любви обновленнаго

сердца къ Богу, вѣчной любви. Съ Иисусомъ Христомъ началась новая нравственная жизнь, потому что Онъ заронилъ въ глубину ума человѣческаго слово истины, и въ самый таинственный источникъ души водрузилъ знамя любви, которая связываетъ насъ съ міромъ вѣчности, потому что то, что Онъ принесъ намъ, была тайна божественнаго сердца и Его вѣчной любви, которая можетъ быть понята только сердцемъ человѣка и его любовью. Истолкователь, объясняющій намъ эту тайну Божію, есть Духъ Святый. Въ Немъ съ тѣхъ поръ обрѣтается мышленіе и жизнь христіанства.

Христіанство побѣдило міръ, міръ духа и мыслей, также какъ и міръ обычая и общественной жизни; но сила его побѣды состоитъ въ томъ, что оно овладѣваетъ сердцами. Въ этомъ дѣйствіи на душу заключается дѣло спасенія Божія. Исторія спасенія подобна потоку, протекающему вѣка. Онъ беретъ начало свое въ отдаленномъ времени Ветхаго Завета и его героевъ и пророковъ, и направляетъ теченіе свое въ Назаретъ, Вифлеемъ и Голгоѳу. Но цѣль его—сердце человѣческое; сюда онъ впадаетъ, потому что онъ произошелъ изъ сердца Божія, и источникъ его—вѣчная любовь. Подобно тому, какъ земные потоки въ мрачномъ безмолвіи стремятся съ возвышенностей горъ, и потокъ спасенія нашего беретъ начало свое высоко, за предѣлами міра, въ той безмолвной тайнѣ вѣчности, въ которую не можетъ проникнуть духъ человѣческій и откуда до слуха нашего не долетаетъ человѣческая рѣчь. Но что на лонѣ вѣчности родилось отъ опредѣленія любви, то изливается изъ вѣчныхъ высотъ во время и измѣряетъ его обширныя пространства, пока не достигнетъ той тихой пристани всей жизни, которую мы называемъ сердцемъ человѣческимъ. Здѣсь въ тихомъ безмолвіи души, въ неизвѣданной тайнѣ внутренней жизни, на одинокомъ лонѣ сердца, куда не достигають ничей взглядъ и котораго

последнее слово не дерзають произнести уста:—здѣсь вѣчная мысль любви Творца и Его исторія дѣлается внутреннимъ событіемъ. Здѣсь Онъ успокоивается и собираетъ силы свои, чтобъ вновь начать свое теченіе и излить потокъ новой жизни, котораго послѣдняя цѣль въ томъ мірѣ вѣчности, въ мірѣ преображенія, въ мірѣ дѣтей Божіихъ, мѣсто котораго въ сердцѣ Божіемъ.

О глубина богатства—воскликаетъ апостоль, когда духъ его предается такимъ размышленіямъ—*о глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его. Кто бо разумъ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть? Или кто прежде даде Ему, и воздастся ему? Яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая: тому слава во вѣки (Римл. XI, 33—6).*

Если же мы хотимъ выразить все исповѣданіе наше однимъ словомъ, то говоримъ: вѣрую въ Бога Отца, Сына и Духа Святаго. Таковъ смыслъ вѣры въ пресвятую Троицу, что мы признаемъ Бога откровенія спасенія, исторія котораго имѣетъ начало въ сердцѣ Божіемъ, а послѣднюю цѣль въ преображенномъ мірѣ обновленнаго человѣчества.

Когда Іисусъ Христосъ предъ разлукою своею съ учениками повелѣлъ имъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѣ. 28, 19), то въ этихъ трехъ именахъ Онъ соединяетъ все откровеніе спасенія, въ которомъ открылась тайна Божія. И если мы обозначаемъ вѣру христіанскую, какъ вѣру въ троичнаго Бога, то этимъ мы признаемъ вѣру въ Бога любви, открывшейся намъ въ дѣлѣ спасенія. Съ этой точки зрѣнія должны мы понимать пресвятую Троицу.

Но доступна ли она вообще пониманію нашему? Эта мысль о Троицѣ не есть ли мысль невозможная? Слову этому поставляются всевозможныя затрудненія и противорѣчія. Какимъ образомъ, говорятъ, можетъ часть равняться цѣлому, а

единица тремъ? А между тѣмъ замѣчательнѣйшіе умы вѣрили въ это и занимались изслѣдованіемъ этого, начиная отъ Августина до Лейбница. И послѣ того какъ раціонализмъ, своєю поверхностной критикой, старался опровергнуть этотъ догматъ какъ безсмыслицу, новѣйшая философія нашла въ немъ выраженіе глубочайшихъ идей своихъ; хотя она и по своему объяснила смыслъ догмата, но все же отдала ему и должную справедливость. И если мы не примемъ въ соображеніе авторитета великихъ умовъ, то по крайней мѣрѣ то вѣрно, что ученіе это не можетъ повѣриться таблицей умноженія. Конечно, единица не равняется тремъ; но развѣ существо Божіе относится къ математикѣ, какъ цифры къ задачѣ? Развѣ каждая субстанція не имѣетъ своихъ собственныхъ законовъ? Если мы говоримъ о Богѣ, что Онъ одинъ, то развѣ это представляетъ намъ голое, пустое единство цифры? Развѣ нѣтъ единицы, которая заключаетъ въ себѣ полноту? Можно ли признавать существо свободной, разумной души человѣческой по законамъ математики? Богъ же выше души человѣческой; Онъ заключается внѣ предѣловъ нашей умственной жизни. Можемъ ли мы удивляться тому, что содержаніе божественной сущности не включается въ предѣлы нашего мышленія и превосходитъ выраженіе словъ нашихъ; а потому естественнымъ образомъ, вслѣдствіе несоразмѣрности нашего мышленія и формъ его, въ этомъ случаѣ являются затрудненія, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ сомнѣнія и возраженія? Съ тѣхъ поръ какъ я началъ мыслить, первое сомнѣніе юности моей относилось къ ученію о пресвятой Троицѣ, и мои послѣднія мысли будутъ подобны мыслямъ Меланхтона, который на смертномъ одрѣ утѣшалъ себя надеждой—въ будущемъ мірѣ познать чудесныя тайны Божіи, которыхъ онъ не могъ постигнуть въ этомъ мірѣ. Но съ какихъ это поръ непониманіе какого нибудь предмета доказываетъ его недѣй-

ствительность? Тогда границы дѣйствительности должны быть очень узки; тогда мы скажемъ, что и Бога нѣтъ, потому что Онъ для насъ всегда будетъ непостижимымъ. Господь живетъ въ такомъ свѣтѣ, котораго никто не можетъ достигнуть, какъ говоритъ апостолъ (1 Тим. 6, 16). Если же Богъ непостижимъ, то какъ могутъ быть постигнуты тѣ различія Его жизни, которыя мы обозначаемъ именемъ пресвятыя Троицы?

Однимъ изъ величайшихъ умовъ, которые когда-либо существовали, былъ Августинъ: тысячу лѣтъ питался имъ западъ, и все еще мы прибѣгаемъ къ его школѣ. Онъ посвятилъ большую часть своей умственной дѣятельности изслѣдованію этой тайны; и что съ тѣхъ поръ объ этомъ думала и чему учила философія, существенно принадлежитъ его изслѣдованію. Однажды шелъ онъ,—такъ говоритъ преданіе,—по берегу моря, погружившись въ размышленіе объ этомъ предметѣ; въ умѣ его созрѣлъ планъ сочиненія объ этомъ ученіи; увидѣвъ мальчика, играющаго въ песокъ и копающаго яму, Августинъ подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ дѣлаетъ. Мальчикъ отвѣчалъ: «я хочу перелить море въ мою яму». А развѣ я не того же добиваюсь, какъ и это дитя, пытаюсь исчерпнуть мыслями море безконечности Божіей и заключить его въ границахъ моего ума,—воскликнулъ Августинъ.

Нѣтъ надобности понимать что-либо въ совершенствѣ для того, чтобъ быть увѣрннымъ въ немъ, и нѣтъ необходимости достигнуть опроверженія всѣхъ возраженій, чтобъ не заблуждаться въ вѣрѣ своей. Всѣ мы знаемъ, что легче дѣлать вопросы чѣмъ отвѣчать. Есть другая увѣренность еще, кромѣ увѣренности ума. Нѣтъ надобности быть великимъ богословомъ, чтобы быть хорошимъ христіаниномъ, и нѣтъ надобности обладать высокою наукой, чтобы обладать истинной. Величайшій богословъ не болѣе знаетъ истинъ, чѣмъ простѣйшій христіанинъ; онъ только лучше, можетъ быть,

сѣмѣть ихъ доказать и защитить. Но въ каждомъ христіанинѣ вѣра желала бы сопровождаться вѣдѣніемъ, и разумъ обладать истиной. Можно одинаково порицать лѣнивое невѣжество, ни въ чемъ не дающее себѣ отчета, и заносчивое знаніе, которое считаетъ себя въ силахъ все объяснить.

Какъ же намъ понять ученіе о пресвятой Троицѣ? Оно не есть тайна ученыхъ, но исповѣданіе христіанъ, не премудрость посвященныхъ, а главный пунктъ христіанской вѣры для всѣхъ. «Вѣрую въ Бога Отца и Сына и Духа Святаго»: этими словами выражается все христіанство. Христіанство существуетъ не только для аристократическаго кружка великихъ умовъ, но и для всего народа; это не философія, а религія; религія же должна быть популярна. Такъ и ученіе о пр. Троицѣ не есть философскій тезисъ; быть можетъ, оно скрываетъ въ себѣ глубину, основаніе которой напрасно пытается достигнуть глубокомысленнѣйшее умозрѣніе, но въ то же время оно должно быть простѣйшей истиной, понятной для каждаго христіанина. Христіанскую истину сравниваютъ съ рѣкой, въ которой можетъ утонуть слонъ, но которую ягненокъ переходитъ въ бродъ. Ученіе о Троицѣ есть главный пунктъ христіанства, а христіанство—религія спасенія. Итакъ ученіе это не есть тезисъ философскаго умозрѣнія, а выраженіе нашей вѣры въ спасеніе; потому дохристіанскій міръ и не зналъ этого ученія, что онъ не зналъ спасенія. Само по себѣ размысленіе человѣческаго ума никогда не пришло бы къ тому, но когда свершилось спасеніе, эта истина стала понятна сама собою: когда Спаситель воскресъ, Онъ говорилъ объ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ, и ученики не спрашивали у Него объясненія въ этомъ. Въ фактахъ спасенія открылась тайна Господа, а въ словѣ о Тріединиомъ Богѣ они видѣли факты спасенія. Такимъ образомъ это слово служило имъ выраженіемъ самаго христіанства.

Когда Господь выступаетъ изъ мрака таинственности и открывается намъ, то Ему предшествуютъ въ видѣ пословъ предчувствія человѣческаго ума; но это только тѣни будущаго, несущественныя идеалы, лишеныя образовъ: одни дѣянія явившагося намъ Господа могутъ наполнить ихъ содержаніемъ. Такъ и въ тѣ времена раждались въ отдѣльныхъ умахъ предчувствующія мысли о Пресвятой Троицѣ. Говорили о премудрости Божіей, о словѣ Божіемъ; но это были несущественныя тѣни, возникшія изъ ума человѣческаго, безъ плоти и крови, познаніе же Пресвятой Троицы не достигло мысли и сердца человѣческаго. Она не есть изобрѣтеніе человѣческаго ума, а откровеніе божественной любви. Тогда только познали Тріединнаго Бога, когда Онъ открылъ себя таковымъ; тогда только, когда Богъ явилъ себя Отцемъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ, и признали Его Отцемъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ. Исповѣдуя Иисуса Христа, мы убѣждаемся въ Пресвятой Троицѣ, признавая, что Иисусъ Христосъ былъ откровеніе Божіе, и по внутреннему и вѣчному существу своему принадлежалъ Богу, и что духъ Иисуса Христа, дѣйствующій въ сердцахъ нашихъ, есть духъ самаго Господа. Господь открылся намъ самъ въ этомъ различіи Отца, Сына и Духа Святаго, и вѣра наша основывается на этомъ тройственномъ откровеніи и видитъ въ немъ откровеніе одного и того же Бога. Называя Господа Тріединнымъ, мы этимъ именуемъ важную историческую драму спасенія: чего требуетъ Отецъ, то исполняетъ Сынъ, а что исполнилъ Сынъ, то усволяетъ намъ Духъ Святой. Господь посылаетъ намъ Сына своего, Сынъ уничтожаетъ нашъ грѣхъ и примиряетъ насъ съ Богомъ, Духъ Святой дѣлаетъ насъ дѣтьми Божіими и проявляетъ въ сердцахъ нашихъ новую жизнь. На этомъ тройственномъ фактѣ Божіемъ основывается для насъ спасеніе во все времена; но это дѣло одного и того же Бога, потому что то, что совершилъ Сынъ и что производитъ въ насъ

Духъ Святый, есть дѣло одного Бога, который всегда желалъ нашего спасенія и совершилъ его, когда пришла полнота времени. Но онъ совершилъ его въ различіи Отца, Сына и Духа Святаго, въ этомъ тройственномъ откровеніи. Признавая пресвятую Троицу, мы признаемъ этимъ наше спасеніе въ спасительныхъ дѣлахъ Божіихъ. Такъ думалъ Иисусъ Христосъ, дѣлая исповѣданіе этого главнымъ исповѣданіемъ своего общества вѣрующихъ. Этимъ мы высказываемъ не умозрѣнія противъ Бога, а нашу вѣру въ спасеніе, какъ оно совершилось и продолжается посредствомъ этого тройственного откровенія.

Но откровеніе Божіе есть зеркало существа Его. Богъ не былъ бы въ исторіи откровенія тріединымъ, если бы Онъ не былъ таковымъ въ тайнѣ существа своего. Дѣло спасенія не свершилось бы посредствомъ тройственности, если бы внутренняя жизнь любви не свершилась посредствомъ тройственности. По тѣмъ же ступенямъ, по которымъ Богъ нисходитъ къ намъ изъ таинственности своей во время, духъ нашъ возвышается до божественной тайны, и дерзаетъ бросить взглядъ въ таинственную глубину существа Его. Единый Богъ заключаетъ полноту въ Себѣ; въ ея разнообразіи совершается процессъ Его жизни любви; въ этомъ различіи Его самого свершается единство существа Его и жизни. Но кто можетъ объяснить это достойнымъ образомъ? Рѣчь наша не что иное, какъ лепетъ. Мы говоримъ о трехъ лицахъ божественной сущности: это не вполне соответствующее выраженіе, но у насъ нѣтъ другаго. Всѣ слова наши происходятъ отъ нашихъ людскихъ отношеній, но они не достаточны для того, чтобы выразить божественность. Мы хорошо сознаемъ недостаточность языка нашего, говоря о тайнѣ Господней; но какъ бы мы ее ни называли, рѣчь наша всегда будетъ недостаточна. Мы только хотимъ выразить одно, что единство Божіе не есть простое, но посредственное, что внутренняя жизнь любви Божіей свер-

пастся посредствомъ внутренняго раздѣленія себя, что каждое изъ этихъ вѣчныхъ различій въ Богѣ заключаетъ въ себѣ всю божественную сущность, такъ что въ этомъ смыслѣ Господь Тріединъ, и что эта вѣчная пресвятая Троица, какъ мы Ее называемъ, пришла въ дѣйствіе и вошла въ исторію, чтобы въ исторіи осуществить вѣчный совѣтъ любви.

Пытались уразумѣть тайну трехъ Лицъ одной божественной сущности аналогіей человѣческой духовной жизни, потому что, такъ какъ Богъ создалъ насъ по образу и по подобию своему, то мы имѣемъ право представлять себѣ Бога по нашему образу и подобию—какъ высочайшій прообразъ нашей духовной жизни. Великій учитель церкви Августи́нъ указалъ путь къ умозаключеніямъ о пресвятой Троицѣ. Говорятъ: какъ наша духовная жизнь происходитъ и свершается въ дѣйствіяхъ познаванія и желанія, такъ какъ духъ не можетъ существовать безъ того, чтобы не желать и не познавать самого себя, и какъ въ каждомъ изъ этихъ дѣйствій нашего ума присутствуетъ весь умъ нашъ; такъ и вѣчная жизнь Божія свершается въ вѣчныхъ дѣйствіяхъ познаванія и желанія. Богъ познаетъ себя вѣчнымъ, Онъ желаетъ себя таковымъ; результатами этихъ божественныхъ дѣйствій суть тѣ различія въ Богѣ, которыя мы обозначаемъ тремя лицами Божества: Сынъ есть вѣчная мысль Творца, Его самосознаніе; Духъ Св. есть вѣчная любовь Божія, какою Богъ самъ себя желаетъ, потому что прежде чѣмъ Богъ позналъ и пожелалъ міръ и человѣка, этотъ несовершенный образъ Божій, Онъ долженъ былъ самъ себя познать въ своемъ совершенномъ образѣ, потому что Онъ одинъ есть достойнѣйшій предметъ своего познаванія и любви своей. Эти дѣйствія божественной жизни не суть преходящіе мысли и побужденія, какъ наши, а неизмѣнныя, дѣйствительно представляющія содержаніе дѣйствія. Познавая себя и желая себя,

Богъ этимъ вѣчно выражаетъ Себя въ своемъ совершеннѣйшемъ образѣ и такимъ путемъ входитъ во внутреннее саморазличіе. Онъ познавающій отличается отъ себя познаваемого; а въ любви своей Онъ снова соединяется съ собою въ единство. Вотъ путь, которымъ объясняютъ пресвятую Троицу въ существѣ Божіемъ; такое объясненіе ся съ давнихъ поръ служитъ основаніемъ различнымъ оборотамъ, какіе ему придаютъ.

Но не забудемъ того, что это попытки къ объясненіямъ, которыя могутъ имѣть свое значеніе, но не могутъ составлять главнаго основанія нашей вѣры. Вѣра наша основывается не на идеяхъ человѣческой мудрости, не на измѣнчивыхъ образахъ человѣческихъ умозрѣній, а на фактахъ виѣшней и внутренней исторіи спасенія. Богъ явилъ себя въ исторіи спасенія Тріединнымъ, какъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и въ дѣлѣ усвоенія себѣ спасенія, посредствомъ котораго мы сдѣлались христіанами, мы испытали Господа въ этомъ различіи Его: какъ того, съ которымъ мы примирились, какъ того, посредствомъ котораго мы примирились, и какъ того Духа, который благодать примиренія внутренно усвоилъ намъ и сдѣлалъ ее могуществомъ новой жизни въ насъ; такимъ путемъ намъ стало понятно, что Богъ различенъ въ Себѣ и Троиченъ. Онъ тріединный есть Тотъ, который носилъ въ сердцѣ своемъ совѣтъ нашего спасенія; Онъ тріединный есть Тотъ, который въ исторіи человѣчества привелъ въ исполненіе этотъ совѣтъ любви своей; Онъ тріединный есть Тотъ, который явилъ любовь свою въ сердцѣ нашемъ и сдѣлалъ насъ дѣтьми благодати своей. Во Христѣ Богъ хотѣлъ насъ видѣть вѣчно любящими, во Христѣ Онъ спасъ насъ во времени, во Христѣ мы дѣти Его на вѣки. Только во Христѣ мы обрѣли Бога спасенія, а не безъ Него. Безъ Иисуса Христа Богъ представляетъ намъ истребляющее величіе, про-

тивъ котораго никто не устоятъ. Кто хочетъ познать и найти Бога—вѣчную любовь, Бога примиренія, Бога благодати, тотъ можетъ найти Его только во Христѣ, а не безъ Него; но то, что мы познаемъ, находимъ и обрѣтаемъ Его въ вѣрѣ, любви и надеждѣ, это —мы сознаемъ—не есть наше дѣло, но дѣйствіе Божіе въ Духѣ Святомъ. Только тріединный Богъ есть совершеннѣйшая любовь, и откровеніе Бога троичнаго—совершеннѣйшее откровеніе любви.

А потому Богъ христіанъ есть троичный Богъ, и всякое христіанское признаніе Бога есть признаніе пресвятой Троицы; Богъ христіанства есть совершеннѣйшая любовь, а христіанство—откровеніе и провозглашеніе этой любви.

Этимъ мы выражаемъ не умозрѣніе, не простую идею, которую мы составили себѣ о Богѣ, но исповѣданіе нашей вѣры, которая насъ дѣлаетъ блаженными. Сказать, что Богъ троиченъ, значитъ сказать, что Богъ есть Богъ спасенія. Отрицать пресвятую Троицу значитъ отрицать спасеніе, признавать ее значитъ признавать спасеніе. Христіанство же есть религія спасенія, а потому средоточіе его есть исповѣданіе Тріединнаго Бога. Такъ исповѣдуютъ всѣ христіанскія церкви на землѣ. Исповѣданіе это воспринимаетъ насъ, когда мы вступаемъ въ жизнь, при крещеніи; мы исповѣдуемъ его, когда принимаемъ святое таинство причащенія; оно служитъ намъ выраженіемъ нашей вѣры, когда христіанство становится для насъ сознательнымъ фактомъ внутренней жизни въ исправленіи нашемъ; и все познаваніе будущности, на которую мы надѣмся, всѣ разрѣшенія вѣчной жизни, которыхъ мы такъ жаждемъ, все это сосредоточивается въ слѣдующихъ словахъ: вѣрую въ Бога Отца, Сына и Духа Святаго.

Полноту же благодати Тріединный Богъ положилъ въ церкви. Объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ.

(Продолженіе будеть).

